Кострюк (4)

Да во славном было городи во Киеви,
Шьчо во матушки-то было камянно̆й Москвы,
Ише по̆ небу было всё по ясному
Да по воздуху было по небесному.
Там ведь мелки цясты звездочьки просве́тили:
По чисту́ полю бояра всё розьежалисе.
Да задумал-то Грозен царь Иван Васильёвиць,
А задумал-то всё да он женитисе,
Он не в матушки задумал в камянно́й Москвы,
Он во той ли задумал проклято́й Литвы
У того ли Небрю́ка-та всё Небрю́ковиця —
Да на той ли на Марьи всё Небрюковны.
Ише скоро-то Грозной царь Иван Васильёвиць,
Ише скоро-то он всё сряжаитьце,
Поскоре́-то он того всё отправляитце,
Он берёт с собой бога́тыря могуцёго,
Он того берёт Дуна́юшка сына Ивановиця;
А поехали дородьни добры молодцы;
Приежают во земьлю во неверную
Ко тому ли королю-ту Небрюку всё Небрюковицю.
Говорит-то Дунаюшко таковы реци:
«Уж ты гой еси, король Небрюк Небрюковиць!
Мы приехали к тебе, да не гостить к тебе,
Мы приехали к тебе да всё как свататьце
За того ли я за Грозного царя Ивана Васильёвича
Я твоей-то на любимоя на доцери
Шьто на той ли на Марьи всё Небрюковны.
Да отдай-ко ты Марью всё Небрюковну;
Ишше дай-ко приданого телегу красна золота,
Да другу́-то ты дай да циста се́ребра,
Да третью́-ту ты дай да скатна жемцюга».
Отдаваёт тут Небрюк да всё Небрюковиць
Да свою-ту он Марью свет Небрюковну
Да за Грозного царя Ивана за Васи́льёвича,
Да дават три телеги всё приданого:

Шьто перву́-ту телегу с красным золотом,
Да другу-ту телегу с цистым се́ребром,
Да третью́-ту телегу скатна жемцюгу;
Да отправилисе в матушку в каменну́ Москву.
Он ведь звал-то Грозен царь Иван Васильёвиць,
Своёго-то он звал тестя́ любимого,
Он ведь звал королеву-ту, свою-ту тёшиньку любимую:
«Проводите вы Марью всё Небрюковну
Как до матушки-то вы до камянно́й Москвы;
Посмотрите у мня матушки славной камянно́й Москвы,
Посмотрите у мня да це́рьквей Божьих-то,
Посмотрите у мня да кнезье́й, бо́яров,
Посмотрите могуцих руськиих бога́тырей».
Отказались они, да всё не едут тут;
Нахвалилсэ ёго шурин любимой-от,
Ише тот любимой Кострюк Небрюковиць:
«Уж ты ой еси, батюшко родимой мой,
Ише тот ли король Небрюк Небрюковиць!
Ты спусьти-ко миня сьездить на святую Русь,
На святую меня Русь, сьездить в матушку камянну́ Москву —
Проводить-то мне любиму свою се́стрицю,
Посмотрять ихных могуциих бога́тырей».
Они скоро-то тут да вси поехали;
Да приехали они-то всё во матушку в славну камянну́ Москву.
Тут ведь скоро зазвонили в большой колокол,
Да запели обедьни Херуимския
Ише всё-то попы, попы соборныя;
Ише скоро тут ведь повели их во Божью́ церьковь,
Привели-то Марью-ту Небрюковну во веру-ту крешшоную,
Во крешшону ей веру, в православную;
Они стали держать-то по злату веньцу,
Принимать-то они да закон Божий тут.
После етого у их пошол поцесён пир,
Да поцесён-то пир пошол на весь ведь мир:
Шьчо в перьвы́х-то пошло на кнезей, на бо́яр-то,
Ише на тех ли на купце́й да на богатыих,
Шьчо на руськиих могуцих всё бога́тырей;
А бога́тырей-то право не погодилосе,
Шьчо могуциих, удалых их не слуцилосе; —

Собирать на бедных, на прожи́тосьних хресьянушок,
Не оставляёт на радости ише бедных вдов,
Не оставлят он сиротьских всих малых детоцёк.
Как пошол у их поце́сён-от пир навесели;
Ише све́тёл-от день пошол ко вецёру,
И как красноё солнышко всё ко западу.
Грозной-от царь да Иван Васильёвиць
Со своей-то с кнегиной, молодой жоной
По полатам белокамянным похаживат,
Говорит-то он сам да таковы реци:
«Ише вси у мня сидят да на пиру-ту всё,
Ишше все у мня сидят-то ведь пьют всё, кушают,
Ишше беленьку лебёдочку всё рушают;
Да сидит только любимой-от, милой шурин мой
Ише тот ли Кострюк-от сидит Небрюкович».
«Он (sic!), сидишь ты ношьто́ у мня, всё не кушаёшь,
Ишше беленькой лебёдочки всё не рушаёшь?
Ишше место тибе разьве не по разуму,
Или кушаньё моё тибе не по совесьти,
Али цярой-то тебя разьве обнесли у мня,
Али хто-небудь уж разьве ведь надьсмехаитьце?»
Тут ведь скоро-то шурин ему ответ держал,
Отьвечаёт скоро всё Кострюк Небрюкович:
«Уж ты Грозной царь же Иван Васильёвич!
По уму-ту мне место твоё, по разуму,
Всё ведь кушаньё твоё по удовольствию,
Ише цярочкой меня не обнесьли нехто,
Как невежа надо мной-то не надьсмеялясе;
Я сижу у тибя, об том призадумалсэ:
Ише хочитцэ мне бы попотешитце,
Попотешитце мне бы, всё позабавитце;
Ты как дай луцьше могуцёго сильнёго бога́тыря,
Мне-ка дай-ко-се с им-то поборотисе.
Посмотри ведь ты, царь, сам со царицою
На мою всё поступочку богатырьчкую».
Ише тут Гро́зен царь Иван призадумалсэ,
Призадумалсэ тут-то он, приросту́жилсэ:
«Непошьто́ убьёт могуцего у мня сильнёго бога́тыря».
Выходил-то Грозён царь Иван Васильёвич,

Выходил-то он скоро всё на широкой двор;
Он берёт в белы руцюшки золоту трубу,
Затрубил-то он как всё в золоту трубу.
Ишше нету могуцих сильних бога́тырей,
Ишше нету-ту, всё да прирозьехались;
Как выскакивал один бедной бога́тырь тут,
Он ведь бедненькой, все сам нездоровенькой,
Ишше по имени-то Хроменькой Пота́нёчка;
Ишше хроменькой Потанёчка, нездоровенькой,
Он сутул, всё горбат, он был напере́д покляп,
Он на праву-ту ноженьку всё припадывал,
На леву́-ту ту он ножочькой подковы́рывал,
По пережи́му-ту был сам пережи́мистой[1],
Ай он силой был несильнёй, всё напу́ском смел.
Говорил-то он всё Грозному цярю Ивану-ту Васильёвичу:
«Уж ты гой еси, Грозной царь Иван Васильёвич!
Я ува́жу Косьтрюку-ту хошь я в первой раз,
Я уважу Косьтрюку-ту во второй хошь раз,
Я уважу Косьтрюку-ту во трете́й-от раз.
Не пецялуйсе ты, Грозной мой славной царь:
Шьто Потанюшки мне-ка смерть не писана».
Да пошли они могуци всё на широкой двор;
Да выскакивал Косьтрюк-Небрюк ці́рез дубовой стол;
Уронил-то он ведь сорок-то князьей, бо́яров:
Не убил хошь до смерти, да досадил он им.
Выходили тут Грозной царь Иван Васильёвиць
Со царицой-то со Марьей всё Небрюковной
Посмотрять-то на могуцих на двух бога́тырей.
Да Потанюшка-та бедной всё поддаваитьце,
Поддаваитьце Потанюшка всё до трёх же раз;
Всё кина́т ёго Кострюк-от всё Небрюковиць.
Грозён царь Иван Васильёвиць стоит неве́сёл тут,
Шьчо невесёл стоит, стоит всё нерадосьнёй;
Он повесил буйну голову всё с могуцих плець,
Он поту́пил очи ясны во матушку сыру земьлю,
Прокатились горюци́-ти всё ведь слёзы йз глаз.
Ишше Марья стоит-то да всё Небрюковна,
Она ве́сёло стоит, да всё ведь веселёхонька:
Не жалет она Потанюшки бедного Хро́мого,

Шьчо жалет она своёго-та брата ро́дного
Шьчо того ли Косьтрюка-та всё Небрю́ковиця.
Как во ту-ту2 было да всё во то время,
Увидал бедной Потанюшка-та всё Хроменькой
Как своёго-та царя — надежду белого,
Он того ли Ивана всё Васильёвиця, —
Шьто слезит-то он свои да оци ясныя,
Он жалет всё Потанюшку-ту всё Хро́мого, —
Говорит-то Потанюшка таковы реци:
«Уж ты милой мой, ты всё Грозной царь,
Уж ты свет, ты государь Иван Васильёвиць!
Благослови-ко ты мне-ка хоть слово вымолвить,
Слово вымолвить мне да реци выполнить,
Ты бес той мне бес казьни бес скорыя,
Ты бес той мне бес сабельки без вострыя,
Ты бес той мне надьсмешецьки великия:
Ты ише́ благослови миня Косьтрюка побороть,
Побороть-то ведь мне ёго всё ведь по-хорошому».
Говорит-то ведь Грозен царь Иван Васильёвиць:
«Тебе Бох благословит, Потанечка Хроменькой,
Ише хроменькой ты, бедной, нездоровенькой!
Побори Косьтрюка-та да как тибе хочитце,
Ише хочитце как-то да как ведь я велю;
Пропусьти ету славушку по столичному по славному по городу,
Как по матушки по нашой по камянно́й Москвы.
Ты не мошь ли с ёго хошь бы платьё цветно содрать,
По Москвы ёго по городу спустить на́гого?»
Он ведь выслушал реци-ти скоро от царя-та всё;
Поступил-то Потанюшка всё скорёхонько,
Он ведь брал-то ёго скоро за праву руку́,
Он бросал-то к собе он на ножку правую,
Он выки́нывал ёго вверьх высокохонько:
Он пониже ведь облаку всё ходецёго,
Он повыше его всё лесу́ стояцёго,
Он ведь выше дворьця-та всё государёва;
Он спускал Косьтрюка-та всё на сыру землю,
Подхватил он его к себе на белы́ руки,
Обрывал у его-то всё платьё цьве́тноё,
Он спускал же ёго-то всё по святой Руси,

По святой Руси спускал всё по камянно́й Москвы,
Он ведь на́гого спусьтил всё ёго бо́сого.
. 3
Ише Марья-та Небрюковна приросьплакалась;
А Косьтрюк-от идёт, сле́зно уливаитьце:
«Шьто не дай Бох бывать больше на святой Руси,
Как во славной-то матушки в камянно́й Москвы,
Да не дай Бох видать мне руських сильниих,
Руських сильних, могуцих мне бога́тырей!»
Тут ведь Косьтрюк Небрюковиць
Прибегает ко дворьцю скоро к государьскому,
Он крыцял-то, зыча́л своим зыцьним голосом:
«Уж ты ой еси, се́стриця родимая,
Ты родима моя се́стриця, любимая,
Уж ты Марья, ты всё да свет Небрюковна!
Уж вы дайте-ко своё хошь како-небудь платьё цьветноё,
Приукройте-тко моё вы всё тело на́гоё;
Вы подайте-ко моёго всё коня доброго».
Ише скоро тут Марья Небрюковна-та одевала их;
Ише тут-то был не Косьтрюк не всё Небрюковиць.
Ишше сказыват Марья всё Небрюковна
Своёму-ту Грозному царю Ивану всё Васильёвицю:
«Уж ты дай-ко-се мне в роспореженьицё, Грозной царь Иван Васильёвиць,
Запрети всёго народа православного,
Не смотряли шьчобы на моёго-та брателка любимого,
Не смотряли шьчобы, не гра́яли.
Приобдену сама я бедного на́гого».
Приобдела его-то да всё ведь на́гого.
Запретили многи, людей добрых всех,
Не смотряли шьчобы люди, не видели.
Уежал-то он скоро со студу-ту со великого,
К своёму-ту уежал-то к отцу к матушки,
Да к тому ли королю всё Небрю́ку Небрюковичу;
Он слезьнёшенько тут у их приросплакалсэ,
Он родителям своим Косьтрюк прирозжалилсэ:
«Не поеду я ведь больше на сьвятую Русь
К своёму-ту любимому всё ведь к зятю-ту,
Я к тому ли к Ивану-ту ко Васильёвицю,
Я к своей-то ведь Марьи-то всё Небрюковны!

Хороша у их матушка камянна́ Москва,
Хорошо-то у их всё изукрашона;
Только тем у их худо-то на сьвятой Руси,
На сьвятой-то Руси, в матушки всё в камянно́й Москвы,
Шьчо бога́тыри у их всё живут присильния,
Шьчо ведь сильни бога́тыри всё бестыдныя:
Обдирали миня-то да всё ведь до́ нага».

(Записана А. В. Марковым в 1898 г. в с. Зимняя Золотица на Зимнем берегу Белого моря от Аграфены Крюковой, перенявшей песню от дяди Ефима. «Беломорские былины» № 36, стр. 184-190)

В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI-XVII вв., Петроград, 1915.

1 По животу тоненькой (Марков).
2 Пропущено: пору (Марков).
3 Женщина — бежит да прикрываитьце.